

Даже когда они легли в кровать, расстояние между ними было таким, что туда спокойно поместились бы еще два Шан Шисюя, но Сы Хэюй все равно чувствовал, как бешено колотится его сердце.

Впрочем, вся смелость, что была у него на этот вечер, уже иссякла.

В супружеских отношениях ведущая роль всегда отводится мужу, а Сы Хэюй не обладал ни дерзким, ни свободным нравом. Скосив взгляд на Шан Шисюя, он размышлял: неужели здесь приняты какие-то особые ритуалы? Иначе почему он до сих пор к нему не прикоснулся?

Ах, он действительно не мог заставить себя проявить инициативу. Все те уловки, которым его учила нянюшка, вылетели из головы, превратившись в кашу — он не мог применить ни одной. К тому же он был измотан: голова, весь день занятая бесконечными мыслями, теперь отказывалась соображать.

Шан Шиюй чувствовал исходящий от Сы Хэюя тонкий, едва уловимый аромат. Странно, ведь они пользовались одним и тем же гелем для душа, так почему же от Сы Хэюя пахло иначе, и почему этот запах был приятнее, чем его собственный?

С тех пор как Шан Шиюй повзрослел, он всегда спал один и не имел опыта делить постель с кем-то еще. Он ожидал, что будет чувствовать себя крайне неловко, но, стоило ему лечь, как тело охватила неожиданная нега. Погрузившись в этот тонкий аромат, он испытал странное, почти непреодолимое чувство зависимости.

В голове тут же зародились домыслы, пытающиеся объяснить действия Сы Хэюя. Шаг за шагом заманивает его в ловушку, без тени смущения называет мужем, улыбается ему, разрешает себя целовать и даже сам зовет в постель...

Все это интриги, сплошные интриги.

У него наверняка есть какая-то иная цель. Какая же? О, конечно, корпорация Шан! Это же гигант индустрии, и даже крохи, упавшие с их стола, позволили бы семье Сы озолотиться. Его умение так искусно подлизываться... нет, это было не просто подлизывание, это была попытка втереться в доверие к семье Шан.

За эти годы он видел немало тех, кто мечтал пробраться в дом Шан, и Сы Хэюй не стал исключением. Даже хуже: он действовал наглее, соблазнял, ластился — все это выглядело слишком уж отрепетированным. Похоже, он был хорошо обучен, возможно, даже кем-то специально натаскан.

Просто возмутительно! За кого он его принимает? А он-то еще жалел семью Сы, полагая, что их невинного сына принесли в жертву ради обряда исцеления.

Значит, соблазняешь? Приглашаешь в постель? Хорошо! Раз уж ты сам напросился, то грех не воспользоваться тем, что само идет в руки.

Шан Шиюй резко перевернулся на другой бок — матрас под ним даже качнулся — и устался на безмятежное спящее лицо.

Шан Шиюй: ...

Выходит, только он один мучился бессонницей и искал оправдания, а этот человек... этот человек уже вовсю спал. Ни храпа, ни скрипа зубами, ни причмокивания.

Шан Шиюй подался вперед, становясь все ближе к Сы Хэюю. Его дыхание, смешанное с тем самым тонким ароматом, коснулось лица супруга. Он спал так послушно, так сладко.

Шан Шиюй подавил зевок. Алкоголь и так клонил в сон, а теперь, когда мысли окончательно спутались, он поддался какому-то странному умиротворению. Веки отяжелели, и он провалился в сон. Во сне, окруженный теплом и тонким ароматом, Шан Шиюй невольно прижал супруга крепче и погрузился в глубокий покой.

В полседьмого утра Сы Хэюй проснулся, тяжело дыша.

Ему всю ночь снилось, будто его придавил огромный пес. Пес дышал ему в лицо, то и дело тыкался носом в шею, а он отчаянно пытался выбраться, но чем сильнее сопротивлялся, тем тяжелее становился зверь, прижимая его к постели все плотнее.

Сознание еще долго блуждало в тумане, но жар, исходящий от шеи, был слишком реальным. Сы Хэюй застыл: границы между сном и явью стерлись, и на мгновение ему показалось, что пес все еще лежит на нем. Он поспешно повернул голову и встретился взглядом с лицом Шан Шисюя.

Ох, не пес. Шан Шиюй.

Ах, как неловко, надо же было сравнить Шисюя с большой собакой.

Сы Хэюй был намертво зажат в объятиях Шан Шисюя. Он лежал спиной к нему, почти вплавившись в его тело. Большая рука Шан Шисюя тяжелым браслетом лежала на его талии, а ноги были переплетены, намертво пригвозждая его к месту. Неудивительно, что все попытки выбраться были тщетны.

Лицо Сы Хэюя вспыхнуло. Хотя прошлой ночью они не стали близки, но все же разделили одно ложе.

Сы Хэюй осторожно убрал тяжелую руку со своей талии, затем с трудом высвободил ноги из-под ног Шан Шисюя. В большой кровати был один недостаток — выбираться из нее всегда сложнее, чем из обычной.

Стоило ему отодвинуться хоть на чуть-чуть, как его тут же рванули обратно и снова заключили в объятия. Шан Шиюй, похоже, даже не проснулся, а может, просто бормотал во сне:

— Ты куда?

Сы Хэюй снова прижали к себе, и он почувствовал, как от него исходит жар:

— Я встаю.

— Который час? — голос Шан Шисюя звучал хрипло, с утренней невняtnостью и легким раздражением — похоже, он был не в духе из-за раннего пробуждения.

Сы Хэюй с трудом дотянулся до телефона на прикроватной тумбочке:

— Половина седьмого.

Это было его обычное время для подъема. Точнее, время, к которому он привык после прибытия в этот современный мир. В Великой Цзинь, поскольку отец и брат служили в армии, они редко собирались вместе, поэтому каждый завтрак в кругу семьи был ценностью, и Сы Хэюй привык вставать рано.

Отец и брат уходили на утренние аудиенции, поэтому все ложились спать в час свиньи, то есть после девяти вечера, а вставали в час тигра — в четыре утра. Но здесь он обнаружил, что никто не встает в четыре, даже прислуга, поэтому Сы Хэюй адаптировался к половине седьмого — к этому времени домработницы уже начинали готовить завтрак.

Сы Хэюй привык прогуливаться по саду или помогать на кухне.

Шан Шиюй, кажется, немного прояснился:

— Я поеду в компанию только к девяти.

Сы Хэюй кивнул — Сы Юньцзинь тоже уходил в это время:

— Я знаю. Я встану, а ты спи дальше.

Не успел он договорить, как Шан Шиюй снова погрузился в сон. Сы Хэюй повторил свои манипуляции: убрал руку, высвободил ноги, стараясь двигаться как можно тише, и наконец выбрался из кровати.

Здесь, в этом доме, не было старших, поэтому не нужно было совершать утренние приветствия и подавать чай свекрам. Неизвестно, была ли семья давно разделена — в Великой Цзинь, если семья не разделена, все должны жить под одной крышей.

Сы Хэюй достал из чемодана одежду, которую ему купил Сы Юньцзинь — многие вещи он еще даже не надевал.

Приведя себя в порядок, он спустился вниз. Тетушка Фэн и вторая кухарка уже готовили завтрак. Увидев Сы Хэюя, они явно удивились — для современной молодежи встать так рано было сродни снятию магической печати, задача почти невыполнимая.

— Господин Сы, вы так рано встали?

Никто не называл его супругом, и это было к лучшему — он сам не привык к этому обращению, а господин звучало куда приятнее.

— Доброе утро, тетушка Фэн, господин Шэнь. Я встал, чтобы приготовить завтрак для... для Шисюя.

Тетушка Фэн и господин Шэнь переглянулись, не скрывая удивления. Манеры Сы Хэюя были настолько безупречны, что к ним невозможно было придраться.

Однако Шан Шиюй по утрам почти ничего не ел: тосты или сэндвич и чашка кофе.

Сы Хэюй вошел на кухню и почувствовал аромат кофе. В доме семьи Сы он завтракал рисовой кашей, булочками и жареным тестом вместе с Нин Цин. Кофе он пробовал лишь однажды, и тот показался ему невыносимо горьким. К тому же Нин Цин говорила, что кофе вредит желудку и мешает спать — зачем же пить его по утрам?

— Разве кофе не вреден для желудка и не мешает сну? Шиюй каждое утро пьет это?

Тетушка Фэн улыбнулась с легкой досадой:

— Старший господин привык, другого он не любит.

Сы Хэюй понимающе кивнул. В конце концов, прислуге не стоит вмешиваться в дела хозяев, иначе можно навлечь на себя гнев. Лучше поменьше говорить и побольше делать — так надежнее.

— Ничего, я привык к другому. Можно я приготовлю что-нибудь для себя?